

КНИГА ЗА КНИГОЙ



Евгений Носов

ГДЕ
ПРОСЫПАЕТСЯ
СОЛНЦЕ?

*Издательство
«Детская литература»*

КНИГА ЗА КНИГОЙ



ЕВГЕНИЙ НОСОВ

**ГДЕ ПРОСЬПАЕТСЯ
СОЛНЦЕ?**

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

Если бы меня спросили, что я ценю больше всего в наших мальчишках и девчонках, я бы назвал в первую очередь любознательность. Не просто любопытство, каковое присуще всякой сороке, а именно любознательность, иными словами — любовь к познанию. Качество это свойственно только человеку, и оттого, насколько рано оно привито, во многом будет зависеть весь дальнейший образ жизни этого человека, круг его интересов, дела и поведение. Любознательность заставляет биться мысль, а мысль порождает чувство, чувство же в свою очередь окрашивает наши поступки.

Так вот я — за любознательность! А значит — за богатство человеческой души и добрые поступки.

Но как ещё в школьные годы научиться видеть и слышать мир, развивать в себе бережное чувство прекрасного? Обязательно ли для этого совершать, к примеру, дальние путешествия? Нет, не обязательно. Сначала, ребята, следует научиться смотреть вокруг себя, выработать умение видеть в малом, повседневном большое, необыкновенное. Без этого никакие, даже самые экзотические путешествия не принесут вам полной и глубокой радости познания, а будет лишь утолено простое бесплодное сорочье любопытство. Какое-нибудь не приметное озерцо тут же, за городом, полно жизни, но какова эта жизнь — для большинства горожан такая же загадка, как тайна планеты Марс. Вот они, дальние неведомые страны, — вокруг тебя! Поля, луга, рощицы, овражки... Вооружайся терпением, вниманием к родной природе и выходи читать увлекательную книгу её жизни.

А пока буду рад и признателен, если вы, ребята, прочтёте эту маленькую книжку. Она — о любознательности, об увиденном вокруг нас

Автор

Рисунки Л. Кузнецова

Носов Е. И.

Н84 Где просыпается солнце: Рассказы/ Переизд.;
Рис. Л. Кузнецова.—М.: Дет. лит., 1978.— 32 с,
ил.— («Книга за книгой»).

10 к.

Рассказы известного советского прозаика о жизни ребят современной деревни

70802 — 399

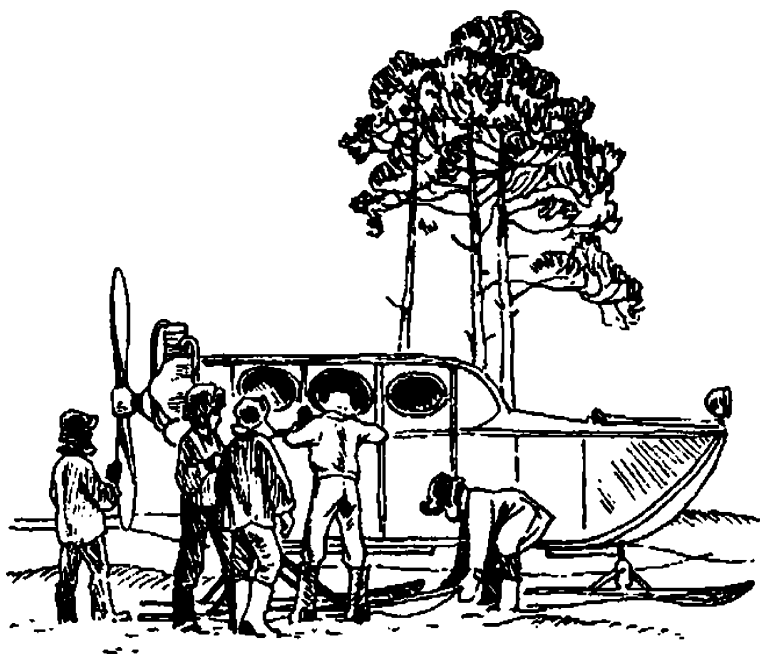
НМ101(03)78²³¹

78

P2

© Состав Иллюстрации

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1978 г.



ГДЕ ПРОСЫПАЕТСЯ СОЛНЦЕ?

Тяжело махая крыльями, летели гуси.

Санька сидел на перевёрнутой лодке и, запрокинув голову, тянулся глазами к этим большим усталым птицам. А они то резко темнели, когда пролетали под влажно-белым весенним облаком, то вдруг сами ослепительно белели чистым, обдудым ветрами пером, когда окунались в солнечные лучи, в голубое бездонное разводе между облаками. И сыпались на землю их сдержанные, озабоченные вскрики.

Гуси всегда летели в одну сторону: из-за домов, наискосок через реку и поле, к далёкому лесу.

Санька глядел вслед птицам долго и завистливо, как гусёнок с перешибленным крылом. Издали вся стая походила на обрывок чёрной нитки, которая, плавно изгибаясь над зубчатой стеной леса, то провисала качелями, то вытягивалась в ровную линию.

— Уже, поди, и до дяди Сергея долетели,— прикидывал он.

Дядя Сергей поселился у них среди зимы. Однажды, возвращаясь из школы, Санька увидел под окнами своего дома нечто совершенно непонятное; не самолёт, не автомобиль. Диковинная машина была вся запорошена снегом: и овальные окна, и ребристые бока, и огромная фара на кончике длинного, как у моторной лодки, носа. Стена дома была густо залеплена снегом, будто по улице только что прошлась вьюга. Позади кузова невиданной машины Санька разглядел красную лопасть пропеллера.

— Ух ты! — прищёлкнул языком Санька и побежал через сугроб домой.

Во дворе Санька увидел незнакомого человека в сером свитере, в рыжей лохматой шапке и таких же рыжих меховых сапогах. Лицо его густо обросло щетиной. Человек колот дрова.

В горнице за столом сидел ещё один приезжий, Степан Петрович. Смешно надув щёки и глядя в маленькое зеркальце, он бритвой соскабливал с лица густую мыльную пену.

Все это неожиданное нашествие наполнило их пустой, гулкий дом ощущением праздника. Саньку совершенно покорили и чудо-машина под окном, и загадочные вещи, сваленные в сених, и эти бородастые, ни на кого не похожие люди, и даже швырчащая колбаса на сковородке.

Улучив момент, Санька дёрнул мать за рукав:

— Мам, кто такие?

— Квартиранты.

— У нас будут жить? — переспросил Санька.

— Говорят, проживут до лета.

— Мам, и машина будет у нас?

— Не знаю, Санюшка. Садись поешь.

После обеда Санька побежал на улицу к машине. Там уже толпились ребяташки. Протирали рукавичками окна, почтительно притрагивались к алой лопасти пропеллера, пролезали под днищем.

— А ну, не трогать руками! — налетел Санька. Ребятишки послушно отступили. Ничего не поделаешь: машина стояла перед Санькиным домом. Приходится подчиняться.

— У нас теперь квартиранты на постое, — сказал Санька. — А это их машина.

Ребятишки с завистью глядели на Саньку.

Вечером дядя Сергей и Степан Петрович расстелили на столе большую карту, всю исчерченную кривыми, причудливыми линиями, и стали вымерять что-то блестящим циркулем и помечать цветными карандашами. Санька с любопытством следил за их непонятным занятием.

— А ну-ка, Санька! — сказал дядя Сергей. — Покажи-ка нам на карте свою реку.

Санька забрался на стол, растерянно оглядел пёстрый лист. Никакой реки он не увидел и смущённо сказал:

— Её снегом замело. Зимой всегда заметает.

Дядя Сергей и Степан Петрович расхохотались.

Работали они допоздна. А на рассвете Санька проснулся от рёва мотора. Яркий свет полоснул по окнам, и на миг стали видны до последней прожилки морозные веточки на стёклах. Мотор завыл, в окна швырнуло снегом, и вскоре был слышен лишь отдалённый рокот, который постепенно совсем истаял.

Утром Санька выбежал на улицу и внимательно оглядел снег. Он отыскал три широкие лыжни. Они вели прямо к реке. С обрыва было видно, как лыжни сбежали по крутому спуску на реку, пересекли её поперёк, выбрались на тот берег и ровными голубыми линиями умчались по чистому снегу к далёкому лесу. «Вот бы прокатиться!» — думал Санька, щурясь от солнечной белизны и силясь проследить как можно дальше стремительный росчерк лыжни.

Так они уезжали каждое утро и возвращались, когда становилось совсем темно. Санька ещё издали замечал в поле рыскающий луч света, который отбрасывала фара, и, радостный, бежал домой:

— Мам, едут!

Они снимали в передней пахнувшие морозным ветром шубы и шапки, и Санька поливал им на руки из кувшина. Потом дядя Сергей шёл раздувать самовар, который он чудно называл ихтиозавром. После ужина дядя Сергей и Степан Петрович садились за карты и чертежи.

Дядя Сергей был большой выдумщик и всегда что-нибудь привозил из лесу. Как-то раз он выгрузил из аэросаней разлапый сосновый корень, весь вечер опиливал и строгал корягу, и получилась голова оленя с красивыми рогами. Когда же дядя Сергей уезжал надолго, Санька скучал и льнул к матери, и та укачивала его на коленях, закрыв тёплой вязаной шалью. В такие дни в доме было тихо и пусто. Спать ложились рано.

В последний раз дядя Сергей уехал перед самой весной. Санька ожидал его каждый день. Он бегал к обрыву и глядел за речку. Но поле было пустынно и белело, как чистый лист бумаги,— без единого пятнышка, без чёрточки. Свежая пороша замела все следы.

Когда же с пригорков хлынули ручьи и река вздулась и подняла лёд, Санька понял, что дядя Сергей больше не придет. По реке мчались льдины с оборванными строчками лисьих следов и кусками санной дороги. Льдины тупо, упрямо бодали пустые стволы старых раkit, и те содрогались до самой макушки. А вверху, тяжело махая крыльями, летели гуси. Они летели туда, где просыпалось солнце.

Санька никогда не бывал по ту сторону соснового бора. Он только знал, что каждое утро из-за леса поднималось солнце, оно было большое и красное, и Санька думал, что оно спросонья такое.

«Вот если бы пройти весь лес,— размышлял он, стоя на крутояре,— тихонечко подкрасться и спрятаться за кусты, то можно подсмотреть, как просыпается солнце. Дядя Сергей, поди, уж видел много раз».



Весенние дни побежали быстро. Санька с утра до вечера пропадал на улице и постепенно стал забывать дядю Сергея.

Однажды под окном на раките радостно засвиристел скворец. И Санька вспомнил, что уже давно собирался сделать скворечник. Старый совсем развалился. Санька побежал домой, вынес на крыльцо доски, топор, ножовку и принялся за дело. Тяпал топором и виновато поглядывал на скворца.

— Как же я забыл? — приговаривал Санька.— Ну посиди, я сейчас.

Скворец сидел тут же на ветке, охорашивался с дороги и понимающе косил чёрным глазом на кучерявую шепку.

Сделав скворечник, Санька полез приколачивать его на раките. Он уже сидел на самой макушке, когда к их дому подкатил вездеходик с брезентовым верхом. Из машины вылез человек в сером дождевике и резиновых сапогах.

— Дядя Сергей! Дядя Сергей!—закричал Санька.— Я — вот он! — Он заскользил на животе вниз по корявому стволу.— Я сейчас!

Санька глядел на дядю Сергея, и его губы сами собой растягивались в улыбку. На Санькиной щеке багровела свежая царапина. К куртке пристали кусочки сухой коры.

— Ну как вы тут?—Дядя Сергей присел перед Санькой на корточки.

— Мы ничего... Живём. Только с мамкой ждали... Думали, совсем не приедете.

— Дела, Санька. Вот скоро с тобой поедем, сам увидишь. Тут я тебе одну штуку привёз.— Дядя Сергей порылся в машине.— На-ка, держи!

Это был трёхмачтовый кораблик с килем, форштеньем, каютами, бортовыми шлюпками. По всему было видно, что кораблик находился в долгом и трудном плавании. Его корпус, выкрашенный белым, покрылся рыжей илистой плёнкой. Мачты были сломаны. Обломки запутались в снастях. Уцелела



только бизань-мачта с мокрыми парусами. К парусу прилип бурый ракитовый лист.

Санька держал в руках кораблик так осторожно, будто это было живое существо, живая, трепещущая птица. Где-то он плавал, гонимый ветрами, встречал закаты и восходы, боролся с непогодой, какие-то видел берега...

Саньке даже не верилось, что в его руках такой необыкновенный корабль, он даже покраснел от счастья.

— Спустился к реке, чтобы подлить воды в радиатор, — сказал дядя Сергей, — гляжу, плывёт!

Пока мать готовила обед, Санька и дядя Сергей взялись за ремонт судна. Отмыли под рукомойником корпус и палубу, выстругали новые мачты и прикрутили к ним реи. Санькина мать достала из сундука белый лоскут для парусов. Корабль выглядел нарядно, празднично. Он стоял на столе на подставке от утюга, будто на стапелях, снова готовый к дальним странствиям.

— А что же мы про флаг забыли! — всплеснул руками сияющий Санька. Он разыскал в ящичке швейной машины кусочек красной материи и выкроил флаг.

— Без флага кораблю нельзя, — одобрил дядя Сергей. — Только поднимать его ещё рано, потому что у корабля нет названия. Надо дать ему имя. Самое красивое. Ну-ка, Санька, подумай!

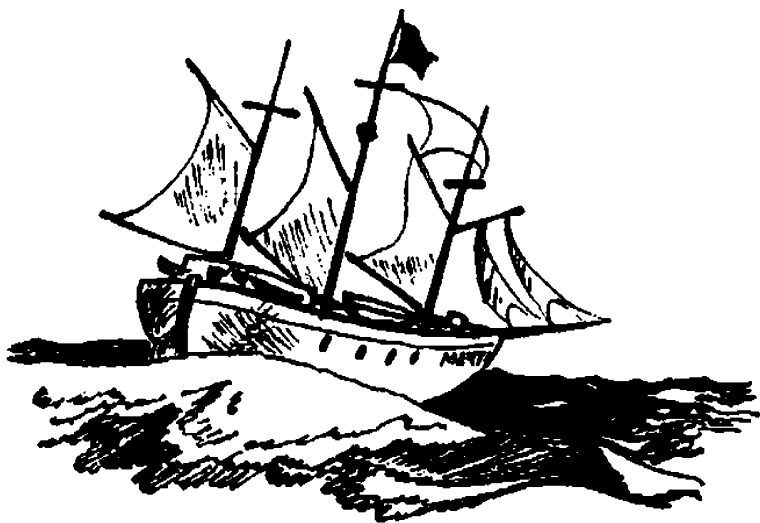
Санька озабоченно наморщил лоб.

— «Чайка»! — сказал он.

— «Чайка»... — в раздумье повторил дядя Сергей. — «Чайка»! Что ж, неплохое название! Подходит! Но не будем торопиться: есть слова лучше.

— «Морской орёл»! — выпалил Санька. — Орёл сильнее чайки!

— Нет, это слишком воинственное. Не нравятся мне эти морские орлы, — сказал дядя Сергей. — Давай, знаешь... — задумался он, — давай назовём вот как: «Мечта». Понимаешь?!



Санька задумался. Он никак не мог себе представить, какая она бывает, эта мечта.

— Ты о чём-нибудь мечтаешь? — спросил дядя Сергей. — Есть у тебя какое-нибудь самое большое желание?

— Есть... — тихонечко, почти шёпотом, проговорил Санька.

— Какое? Какое?

— Хочу поглядеть, как солнце просыпается, — смущённо пробормотал Санька.

— Ну вот, видишь... У каждого человека есть своё самое большое желание. У тебя, у меня, у твоей матери. Без него нельзя, вот так же, как чайке нельзя без крыльев. Мечта — тоже птица. Только летает она и выше и дальше. Понимаешь?

Вместо ответа Санька порылся в кармане, достал огрызок чернильного карандаша и, взглянув на дядю Сергея, спросил:

— Где писать название?

И, послунив карандаш, Санька старательно вывел на носу корабля большими печатными буквами: «МЕЧТА».

— А теперь слушай мою команду! На флаг сми-

но! — по-военному громко сказал дядя Сергей и вытянул руки по швам.

Санька поглядел на него и тоже прижал к бокам руки. Лицо его стало серьёзным, и только царапина на щеке и синее пятнышко от чернильного карандаша на нижней губе несколько не соответствовали параду.

В дверном проёме стояла Санькина мать. Вытирая рушником тарелку, она глядела то на дядю Сергея, то на своего сына, улыбалась, но губы почему-то дрожали, глаза её блестели так, будто она только что крошила сырую луковицу.

— Можешь спускать корабль на воду! — объявил дядя Сергей.

Санька схватил судёнышко и выбежал на улицу.

Вскоре он прибежал обратно. Вид у него был растерянный. В глазах стояли слёзы.

— Дядя Сергей! Кораблик-то уплыл...

Мать всплеснула руками:

— Как же это ты? Так-то тебе давать хорошие вещи! За это уши надо драть.

— Да-а... — захныкал Санька. — Я не хотел... Я только оттолкнул его от берега, а паруса надулись... И — уплыл...

Дядя Сергей и Санька вышли на улицу. С высокого берега было видно, как на тихой ряби реки, на самом стрежне, белел стройный, красивый парусник. Это была Санькина «Мечта». Попутный ветер надувал её паруса, и она, чуть покачиваясь и трепеща алым флагом, быстро бежала всё дальше и дальше.

Дядя Сергей поискал глазами лодку, на которой можно было бы догнать кораблик, но единственная лодка лежала на берегу вверх днищем.

— Только не хныкать, — сказал дядя Сергей. — Ничего не поделаешь! Видно, такой уж это беспокойный корабль. Не любит мелкой воды. Ты, Санька, не огорчайся. Мы построим новый. Винтовой пароход. С трубами. Тот никуда не уплывёт. А этот пусть плывёт...



Дядя Сергей присел на перевёрнутую лодку и притянул к себе Саньку.

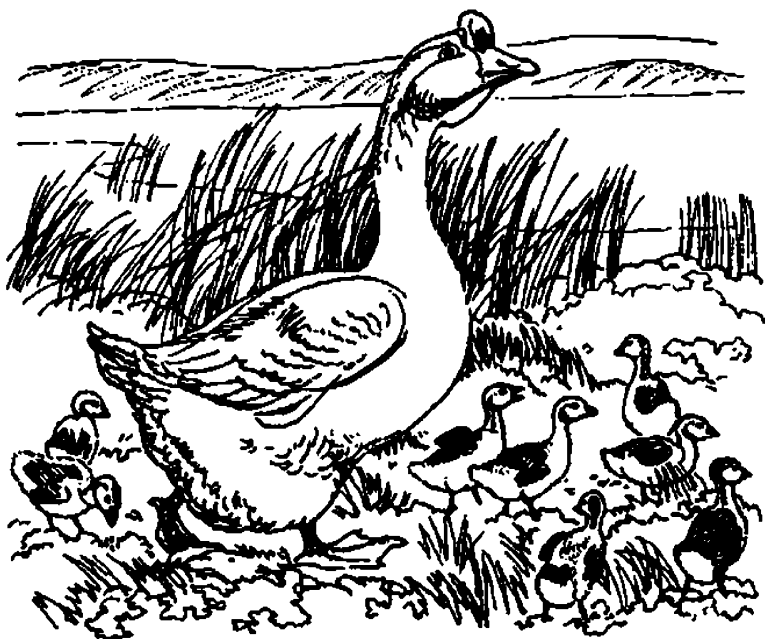
Вечер быстро наливался густой, плотной синевой. Река стала ещё шире, просторней. Затуманился и куда-то уплыл противоположный берег. Далеко-далеко, где-то за лесом, на тёмном вечернем небе неясно и таинственно вспыхивали и дрожали то голубоватые, то бледно-жёлтые всполохи и доносился глухой, едва уловимый рокот.

— Слышал я, Санька, одну загадочную историю, — начал дядя Сергей. — Рассказывали мне, будто плавает по нашей стране неведомо кем построенный кораблик с мачтами, с парусами — всё, как положено. Никто не может удержать его. Швыряют тот кораблик волны, ветер ломает мачты и рвёт паруса, а он не сдаётся — плывёт и плывёт. Поймает его какой-нибудь парнишка, починит и думает: вот хорошая игрушка. Только спустит на воду, а кораблик надует паруса — и был таков. Так и плывёт он мимо сёл и городов, из реки в реку, через всю страну, до самого синего моря.

— А когда до моря доплывёт?

— А когда доплывёт до моря, его непременно изловит какой-нибудь человек. Обрадуется: хороший подарок сыну! И увезёт куда-нибудь к себе. Ну, а сын, известное дело, сразу бежит на речку. Кораблику только этого и надо. И снова — из реки в реку, от мальчишки к мальчишке, через всю страну. И вот что удивительно: всякий парнишка, который подержит его в руках, навсегда становится беспокойным человеком. Всё он потом что-то ищет, чего-то дознаётся...

В эту ночь Саньке снились чайки и огромное красное солнце. Солнце наполовину вышло из моря, и навстречу ему, рассекая волны, гордо бежал белокрылый корабль.



БЕЛЫЙ ГУСЬ

Если бы птицам присваивали воинские чины, то этому гусю следовало бы дать адмирала. Всё у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон, каким он разговаривал с прочими деревенскими гусями.

Ходил он важно, обдумывая каждый шаг. Прежде чем переставить лапу, гусь поднимал её к белоснежному кителю, собирал перепонки, подобно тому как складывают веер, и, подержав этак некоторое время, неторопливо опускал лапу в грязь. Так он ухитрялся проходить по самой хлюпкой, растележенной дороге, не замавав ни единого пёрышка.

Этот гусь никогда не бежал, даже если за ним припустит собака. Он всегда высоко и неподвижно держал длинную шею, будто нёс на голове стакан воды.

Собственно, головы у него, казалось, и не было. Вместо неё прямо к шее был прикреплѐн огромный, цвета апельсиновой корки клюв с какой-то не то шишкой, не то рогом на переносье. Больше всего эта шишка походила на кокарду.

Когда гусь на отмели поднимался в полный рост и размахивал упругими полутораметровыми крыльями, по воде пробегала серая рябь и шуршали прибрежные камыши. Если же он при этом издавал свой крик, в лугах у доярок тонко звенели подошники.

Одним словом, Белый гусь был самой важной птицей на всей кулиге¹. В силу своего высокого положения в лугах он жил беспечно и вольготно. На него засматривались лучшие гусыни деревни. Ему безраздельно принадлежали отмели, которым не было равных по обилию тины, ряски, ракушек и головастик. Самые чистые, прокалѐнные солнцем песчаные пляжи — его, самые сочные участки луга — тоже его.

Но самое главное — то, что плѐс, на котором я устроил приваду², Белый гусь считал тоже своим. Из-за этого плѐса у нас с ним давняя тяжба. Он меня просто не признавал. То он кильватерным строем ведѐт всю свою гусиную армаду прямо па удочки да ещё задержится и долбанѐт подвернувшийся поплавок. То затеет всей компанией купание как раз у противоположного берега. А купание-то это с гоготом, с хлопаньем крыльев, с догонялками и прятками под водой. Они устраивают с соседней стаей драку, после которой долго по реке плывут вырванные перья и стоит такой гам, такое бахвальство, что о поклѐвках и думать нечего.

Много раз он поедал из банки червей, утаскивал куканы с рыбой. Делал это не воровски, а всё с той же степенной неторопливостью и сознанием своей

¹ Так называют лесную поляну, расчищенную для земледелия.

² Привада — приманка; прикормка

власти на реке. Очевидно, Белый гусь считал, что всё в этом мире существует только для него одного, и, наверное, очень бы удивился, если бы узнал, что сам-то он принадлежит деревенскому мальчишке Стёпке, который, если захочет, оттяпает на плахе Белому гусю голову, и Стёпкина мать сварит из него щи со свежей капустой.

Этой весной, как только пообдуло просёлки, я собрал свой велосипед, приторочил к раме пару удочек и покатил открывать сезон. По дороге заехал в деревню, наказал Стёпке, чтобы добыл червей и принёс ко мне на приваду.

Белый гусь уже был там. Позабыв о вражде, залюбовался я птицей. Стоял он, залитый солнцем, на краю луга, над самой рекой. Тугие перья одно к одному так ладно пригнаны, что казалось, будто гусь высечен из глыбы рафинада. Солнечные, лучи просвечивают перья, зарываясь в их глубине, точно так же, как они отсвечивают в куске сахара.

Заметив меня, гусь пригнул шею к траве и с угрожающим шипением двинулся навстречу. Я едва успел отгородиться велосипедом.

А он ударил крыльями по спицам, отскочил и снова ударил.

— Кыш, проклятый!

Это кричал Стёпка. Он бежал с банкой червей по тропинке.

— Кыш, кыш!

Стёпка схватил гуся за шею и поволок. Гусь упирался, хлётко стегал мальчишку крыльями, сшиб с него кепку.

— Вот собака! — сказал Стёпка, оттащив гуся подальше. — Никому прохода не даёт. Ближе ста шагов не подпускает. У него сейчас гусята, вот он и лютует.

Теперь только я разглядел, что одуванчики, среди которых стоял Белый гусь, ожили и сбились в кучу и испуганно вытягивают жёлтые головки из травы.

— А мать-то их где? — спросил я Стёпку.

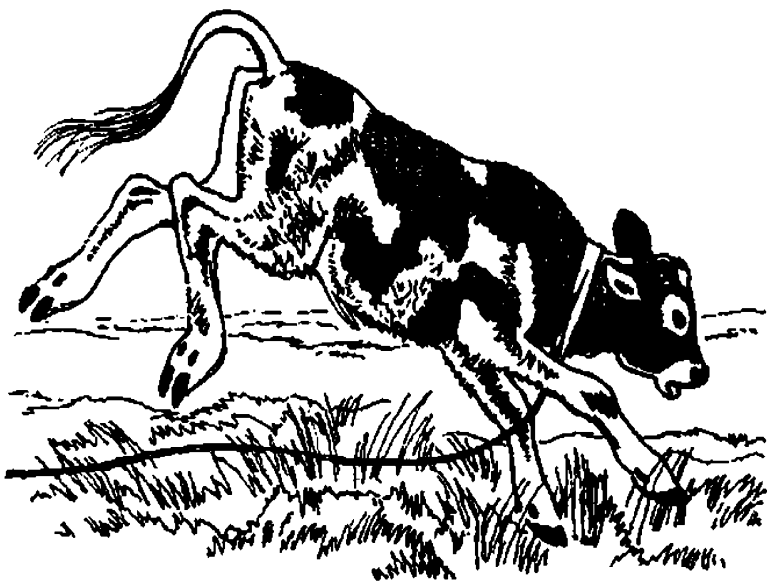


- Сироты они...
- Это как же?
- Гусыню машина переехала.

Стёпка разыскал в траве картуз и помчался по тропинке к мосту. Ему надо было собираться в школу.

Пока я устраивался на приваде, Белый гусь уже успел несколько раз подраться с соседями. Потом откуда-то прибежал пёстро-рыжий бычок с обрывком верёвки на шее. Гусь набросился и на него.

Телёнок взбрыкивал задом, пускался наутёк. Гусь бежал следом, наступал лапами на обрывок верёвки и кувыркался через голову. Некоторое время гусь лежал на спине, беспомощно перебирая лапами. Но потом, опомнившись и ещё пуще разозлившись, долго гнался за телёнком, выщипывая из ляжек ключья рыжей шерсти. Иногда бычок пробовал занять оборону. Он, широко расставляя передние копытца и пуча на гуся фиолетовые глаза, неумело и не очень уверенно мотал перед гусем лопаухой мордой. Но



как только гусь поднимал вверх свои полуметровые крылья, бычок не выдерживал и пускался наутёк. Под конец телёнок забился в непролазный лозняк и тоскливо замычал.

«То-то»!.. — загоготал на весь выпас Белый гусь, победно подёргивая куцым хвостом.

Короче говоря, на лугу не прекращался гомон, устрашающее шипение и хлопанье крыльев, и Стёпкины гусята пугливо жались друг к другу и жалобно пищали, то и дело теряя из виду своего буйного папашу.

— Совсем замотал гусят, дурная твоя башка! — пробовал стыдить я Белого гуся.

«Эге! Эге! — неслось в ответ, и в реке подпрыгивали мальки. — Эге!..» Мол, как бы не так!

— У нас тебя за такие штучки враз бы в милицию.

«Га-га-га-га...» — издевался надо мной гусь.

— Легкомысленная ты птица! А ещё папаша! Нечего сказать, воспитываешь поколение...

Переругиваясь с гусем и поправляя размытую половодьем приваду, я и не заметил, как из-за леса напозла туча. Она росла, поднималась серо-синей тяжёлой стеной, без просветов, без трещинки, и медленно и неотвратно пожирала синеву неба. Вот туча краем накатилась на солнце. Её кромка на мгновение сверкнула расплавленным свинцом. Но солнце не могло растопить всю тучу и бесследно исчезло в её свинцовой утробе. Луг потемнел, будто в сумерки. Налетел вихрь, подхватил гусиные перья и, закружив, унёс вверх.

Гуси перестали щипать траву, подняли головы.

Первые капли дождя полоснули по лопухам кувшинок. Сразу всё вокруг зашумело, трава заходила сизыми волнами, лозняк вывернуло наизнанку.

Я едва успел набросить на себя плащ, как туча прорвалась и обрушилась холодным косым ливнем. Гуси, растопырив крылья, легли в траву. Под ними спрятались выводки. По всему лугу были видны тревожно поднятые головы.

Вдруг по козырьку кепки что-то жёстко стукнуло, тонким звоном отозвались велосипедные спицы, и к моим ногам скатилась белая горошина.

Я выглянул из-под плаща. По лугу волочились седые космы града. Исчезла деревня, пропал из виду недалёкий лесок. Серое небо глухо шуршало, серая вода в реке шипела и пенилась. С треском лопались просечённые лопухи кувшинок.

Гуси замерли в траве, тревожно перекликались.

Белый гусь сидел, высоко вытянув шею. Град бил его по голове, гусь вздрагивал и прикрывал глаза. Когда особенно крупная градина попадала в темя, он сгибал шею и тряс головой. Потом снова выпрямлялся и всё поглядывал на тучу, осторожно склоняя голову набок. Под его широко раскинутыми крыльями тихо копошилась дюжина гусят.

Туча свирепствовала с нарастающей силой. Казалось, она, как мешок, распоролась вся, от края и до края. На тропинке в неудержимой пляске



подпрыгивали, отскакивали, сталкивались белые ледяные горошины.

Гуси не выдержали и побежали. Они бежали, ползучёркнутые серыми полосами, хлеставшими их наотмашь, гулко барабанил град по пригнутым спинам. То здесь, то там в траве, перемешанной с градом, мелькали взъерошенные головки гусят, слышался их жалобный призывный писк. Порой писк внезапно обрывался, и жёлтый «одуванчик», иссеченный градом, поникал в траву.

А гуси всё бежали, пригибаясь к земле, тяжёлыми глыбами падали с обрыва в воду и забивались под кусты лозняка и береговые обрезы. Вслед за ними мелкой галькой в реку сыпались малыши — те немногие, которые ещё успели добежать. Я с головой закутался в плащ. К моим ногам скатывались уже не круглые горошины, а куски наспех обкатанного льда величиной с четвертинку пилёного сахара. Плащ плохо спасал, и куски льда больно секли меня по спине.

По тропинке с дробным топотом промчался телёнок, стегнув по сапогам обрывком мокрой верёвки. В десяти шагах он уже скрылся из виду за серой завесой града.

Где-то кричал и бился запутавшийся в лозняке гусь, и всё натужнее звякали спицы моего велосипеда.

Туча промчалась так же внезапно, как и набежала. Град в последний раз прострочил мою спину, поплясал по прибрежной отмели, и вот уже открылась на той стороне деревня, и в мокрое заречье, в ивняки и покосы запустило лучи проглянувшее солнце.

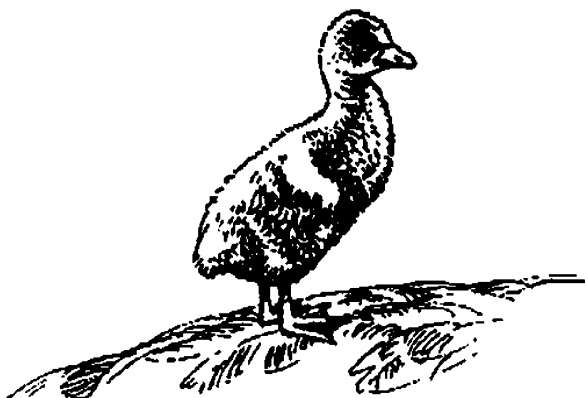
Я сдёрнул плащ.

Под солнечными лучами белый, запорошённый луг на глазах темнел, оттаивал. Тропинка покрылась лужицами. В поваленной мокрой траве, будто в сетях, запутались иссеченные гусята. Они погибли почти все, так и не добежав до воды.

Луг, согретый солнцем, снова зазеленел. И только на его середине никак не растаивала белая кочка. Я подошёл ближе. То был Белый гусь.

Он лежал, раскинув могучие крылья и вытянув по траве шею. Серый немигающий глаз глядел вслед улетавшей туче. По клюву из маленькой ноздри сбегала струйка крови.

Все двенадцать пушистых «одуванчиков», целые и невредимые, толкаясь и давя друг друга, высыпали наружу. Весело попискивая, они разбрелись по траве, подбирая уцелевшие градины. Один гусёнок, с



тёмной ленточкой на спине, неуклюже переставляя широкие кривые лапки, пытался взобраться на крыло гусака. Но всякий раз, не удержавшись, кубарем летел в траву.

Малыш сердился, нетерпеливо перебирал лапками и, выпутавшись из травинки, упрямо лез на крыло. Наконец гусёнок вскарабкался на спину своего отца и замер. Он никогда не забирался так высоко.

Перед ним открылся удивительный мир, полный сверкающих трав и солнца.



КАК ПАТЕФОН ПЕТУХА ОТ СМЕРТИ СПАС

Дело уже двигалось к весне. Замаслилась дорога, снег во дворе осел и потемнел, а в полдень на солнцепёке всё настойчивее барабанила капель. Витька вытер насухо лыжи и спрятал их на чердак до будущей зимы.

И вдруг как-то ночью трахнул морозище. Да такой лютый, что и среди зимы не часто случается. К утру деревья, телефонные провода, заборы покрылись лохматой изморозью. Солнце встало в каком-то зловещем ореоле. Прилетевший на кормушку воробей зябко поджимал под себя то одну, то другую лапку, будто пританцовывал, стараясь согреться.

По радио объявили, что по случаю мороза занятий в школе не будет, и Витька засел дома на целую неделю.

Однажды утром бабушка принесла из курятника петуха, и все ахнули. Его широкий, короноподобный гребень, большие, до самого зоба, бурды и не покрытые перьями щёки были белы от инея.

— Пропал петух! — заахала бабушка.

Все домашние собрались вокруг пострадавшего и с озабоченностью смотрели на его обмороженную голову.

— Надо резать, — сказал наконец отец. — Всё равно сохнет...

У Витьки при этих словах похолодела спина. Ему стало очень жаль петуха. Он был такой красивый и смелый. На шее — огненное ожерелье, спина серая, в мелких белых пестринках, а в пышном хвосте длинные, серпообразные иссиня-чёрные перья. Держался он гордо, выступал вперёд широкой, отливающей бронзой грудью, высоко, будто на параде, приподнимая лапы, увенчанные загнутыми кверху острыми шпорами, и был храбр, как истинный гвардеец. На улице не было петуха, который смел бы подойти к нему близко. Он делал навстречу противнику два-три неторопливых шага, будто предоставляя ему возможность ещё раз подумать, на что идёт, и, если тот не убирался восвояси, стремительно обрушивался на него. При этом он зонтиком растопыривал на шее медно-красные перья, низко пригибал голову, а его длинный хвост волочился по земле, как плащ.

Обычно петухи поспешно ныряли в ближайшую подворотню. И тогда Витька, заложив пальцы в рот, неистово свистел вслед удиравшему. А Витькин петух, великодушно отказавшись от преследования, хлопал крыльями и, изогнув шею вопросительным знаком, горланил на всю улицу своё «ку-ка-ре-ку!», что в данный момент означало: «Я тебе покажу, как забываться!..»

А как голосисто кукарекал он зарю! Сначала за стенкой в сарайчике раздавались короткие удары крыльями. Потом, сразу забирая в головокружильную высоту, петух уверенно брал первое колено

песни. Он никогда не торопился переходить ко второму колену и, словно стараясь показать всем соседним петухам своё мастерство, забирал всё выше и выше. Голос его звенел чистым, прозрачным звуком меди, и Витьке казалось, что вот сейчас в горле петуха что-то лопнет от натуги и песня оборвётся. Витька даже съёживался от этой звонкости петушиной песни, от напряжённого ожидания конца знаменитого «р», составляющего венец победного клича. Но петух не осекался. Он плавно переходил на более спокойное «ку», тянул его не менее долго и громко и благополучно завершал всё своё «ку-ка-ре-ку!».

И вот теперь отец велел отрубить ему голову. Бабушка ошиплет с него золотистый мундир, завяжет перья в сумочку и подвесит их в чулане рядом с пучком мороженой калины, а из петуха сварит суп.

В горле у Витьки заскребло, глаза часто-часто замигали. Он быстро юркнул в другую комнату и забился в угол.

Мать и отец ушли на работу. Дома остались только он да бабушка. Витька слышал, как тихо шаркали её валенки, и со страхом ожидал, когда она выйдет во двор, чтобы отрубить голову петуху. Но бабушка что-то не торопилась, и Витька, успокоившись, вышел в кухню.

— Бабушка, а бабушка,— тихо позвал он.— Ты не будешь петуха резать? Пусть ещё поживёт немножко, а? Может, ничего... оттаёт?

— Ишь ты какой! — погладила бабушка Витьку по стриженной голове.— Сердчишко у тебя, видать, жалостливое. Ну что ж... Пусть побудет! Авось отойдёт. Мы его сейчас гусиным жиром смажем. Это от морозу помогает.

Витька просиял. Он подбежал к петуху, который сидел под стулом нахохленный, с полузакрытыми глазами, и дружески погладил по сутулой спине.

— Больно, а? Я тоже раз нос поморозил. И ничего. Поболело немножко, а потом зажило. Ты терпи, не поддавайся. А то башку отрубят.



Бабушка смазала петуху уже успевшие посинеть в тепле гребень и бороду и насыпала на пол пшена. Но петух даже и не взглянул на корм. Голова его с каждой минутой распухала, наливалась какой-то прозрачной жижей, петух всё больше сутулился и гнулся.

Бабушка принесла сена, постлала под печкой, поставила туда баночки с зерном и водой, посадила петуха и прикрыла железной заслонкой. Витька снова забеспокоился: «Зарубят. Придёт отец—и конец!»

Отец пришёл с работы поздно и, видно, забыл о петухе. Не заговорил о нём и утром.

А когда все опять разошлись, Витька отодвинул заслонку и осторожно вытащил из-под печки петуха. Он был по-прежнему плох: голова слилась в какой-то красно-синий шар, глаза затекли и смотрели тускло и безразлично. К корму он, как и вчера, не при-тронулся. Витька поднёс банку с водой и насильно макнул в неё клюв петуха. Петух раза два глотнул и заковылял под печку.

Между тем мороз не сдавался. Он трещал в старых брёвнах дома, проступал колючей солью на оконных ручках и шляпках дверных гвоздей. Витька давно не казал нос на улицу и уже порядком соскучился по своим друзьям, как вдруг заявился одноклассник Колька. Повязанный поверх ушанки пуховой шалью, концы которой крест-накрест охватывали спину, он неуклюже перевалился через порог.

— Ух какой морозище! — сказал Колька. — За нос так и щиплется. Даже слёзы текут.

— А у нас петух поморозился, — поделился новостью Витька.

— Петух — это что! Петух — птица, — серьёзным тоном возразил Колька. — У нас от мороза водопроводная труба лопнула. Железо и то не выдержало. А петух — раз плюнуть...

Бабушка напоила приятелей чаем с вареньем, и они пошли играть. Посмотрели книжки, новые почто-

вые марки, поиграли в «Конструктор». Когда всё это наскучило, Витька сказал:

— Я тебе сейчас новую пластинку заведу. Хочешь?

— Ну, давай...

Пластинка и верно оказалась хорошей. Рассказывали басню Крылова «Лягушка и Вол». Лягушка, стараясь раздуться до размеров Вола, напрягалась и квакала. Потом, после особенно усердного кваканья, в патефоне вдруг что-то страшно зашипело, будто из его нутра прорвался воздух. Колька испуганно взглянул на Витьку, а тот в ответ расхохотался.

— Ты думал, патефон испортился, да? Это лягушка от натуги лопнула. Надувалась, надувалась — и «п-ш-ш»... Интересно?

— Угу! А что на другой стороне?

Витька накрутил пружину, перевернул пластинку и пустил диск. Заиграла музыка, из патефона выпорхнули слова другой знакомой басни:

— Как, милый Петушок, поёшь ты
громко, важно!

— А ты, Кукушечка, мой свет, как тянешь
плавно и протяжно...

Умиляясь друг другом, Петух и Кукушка поочередно раздавали похвалы. Но вот, не находя больше слов, они перешли на песни. Из трубы вылетало то звонкое петушиное «ку-ка-ре-ку!», то вкрадчивое, разнеженное кукованье. Обе птицы хвалили друг дружку с таким усердием, что Петух вдруг охрип и начал орать каким-то кошачьим голосом. Витька и Колька покатались со смеху.

— Дохвалился! Даже охрип, бедняга! — сказал Колька. — А ну, давай сначала заведём.

Пластинку завели снова, и птицы с новыми силами принялись состязаться в безудержных похвалах. И вот, когда кукушкин друг собирался охрипнуть во второй раз, Витька и Колька услышали, как откуда-

то издалека, будто из-под земли, донёлся настоящий, живой петушиный голос.

Ребята переглянулись.

— Слышал? — спросил Витька.

— Слышал...

— Да ведь это же наш, обмороженный, запел! Бабушка! — вскочил со стула Витька.— Бабушка!..

Из сеней с охапкой дров вошла бабушка.

— Бабушка, наш петух запел! Не веришь?

С этими словами Витька вернулся в комнату, схватил патефон, поставил его в кухне на пол и вытащил из-под печки петуха. Бабушка недоверчиво смотрела на все эти странные приготовления.

— Вот слушайте! — сказал он, накручивая патефонную ручку.

Сначала петух подозрительно косился опухшим глазом на вращающийся и поблёскивающий никелем диск. Но когда из глубины патефона раздался первый петушиный выкрик, он вдруг вытянул настороженно шею и издал то самое вопросительное «ко-ко-ко?», которое обычно означало: «Что там ещё такое?»

— Слышите? Кокочет!—ликовал Витька.

Между тем спела свою партию Кукушка и подошла очередь её партнёра. И как только послышалось особенно отчаянное «ку-ка-ре-ку», Витькин петух вдруг выпятил грудь и сделал навстречу патефону свои два предупреждающих шага. Вот ведь воинственная птица! Даже с распухшей головой и заплывшими глазами петух не мог стерпеть, чтобы противник нагло горланил, спрятавшись в этом ящике.

Сделав ещё два шага, петух пригнул голову, распустил на шее перья и сердито долбнул в пол клювом.

Раздайся в эту минуту из патефона ещё хоть один петушиный клич, и Витькин петух, наверное, налетел бы на патефон, ударил бы по нему крыльями и дёрнул шпорами. Но этого не случилось.

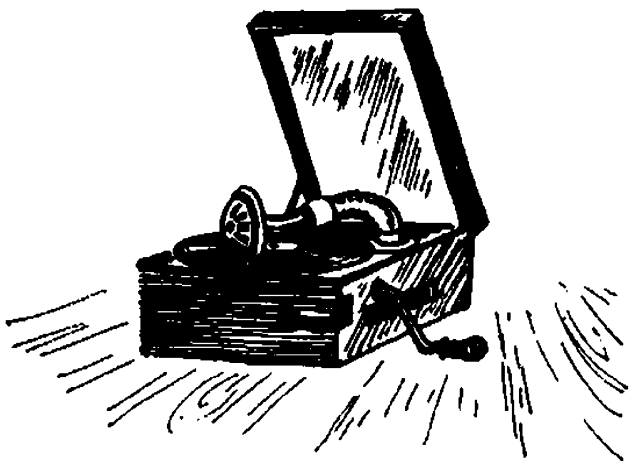
Как раз в это время Петух из басни допелся до

того места, где полагалось потерять голос, и он сбился, зафальшивил и задержал драной кошкой.

Готовый ринуться в бой, петух остановился, приподнял голову и снова скороговоркой проговорил своё «ко-ко-ко?». Мол, что ж это ты, братец, осип? Эх, ты!.. Потом он вытянулся на коленастых ногах, будто привстал на цыпочках, замахал крыльями, развевая по полу пшено, и вдруг закукарекал, да так, что у ребятшек заложило уши, а в железном нутре патефона что-то задребезжало. Кончив победную песню, петух важно отошёл в сторонку и как ни в чём не бывало стал собирать раскатившееся по полу зерно.

Витька ликовал. Он с гордостью посмотрел на своего золотопёрого друга и радостно воскликнул: — Вот чёрт! Оттаял-таки!

После этого он уже не сомневался, что никто не посягнёт на петушиную голову.





СОДЕРЖАНИЕ

ГДЕ ПРОСЫПАЕТСЯ СОЛНЦЕ?	3
БЕЛЫЙ ГУСЬ	15
КАК ПАТЕФОН ПЕТУХА ОТ СМЕРТИ СПАС	24

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1978 году
вышли и выходят следующие книги:

Марков Г. СИБИРЯКИ У ЛЕНИНА.

Глава из романа «Строговы», в которой рассказывается
о поездке сибирских партизан в Москву, к Ленину.

Соколов-Микитов И. ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ.

Рассказы о природе.

Яковлев Ю. МАЛЬЧИК С КОНЬКАМИ

Рассказ о мальчике, который пришёл на помощь
раненному на войне человеку

Для младшего школьного возраста

Евгений Иванович Носов

Где просыпается солнце?

ИБ № 2723

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректор *А. П. Саркисян*. Сдано в набор 22/V 1978 г. Подписано к печати 24/VII, 1978 г. Формат 60x90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт латинский. Печать высокая. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1.59. Доп. тираж 1 000 000 экз. Заказ № 2620. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»